

Поиски в пути

О СПЕКТАКЛЯХ ТЕАТРА «СОВРЕМЕННОК»

В первые годы своего существования, когда московский театр «Современник» был всего лишь студией при МХАТе, молодой коллектив заявил о себе спектаклями по пьесам Виктора Розова и Анатолия Кузнецова. Он вывел на сцену своего сверстника, молодого человека пятидесятих годов, страстно ищущего «делать бы жизнь с ког», утверждающего самые высокие нравственные идеалы и ненавидящего всяческое мещанство. Нынешним «ветеранам» театра и его основателям Олегу Ефремову, Олегу Табакову, Лидии Толмачевой и их товарищам не приходится особенно «вживаться в образ»: ведь они играли «самих себя», ибо сами были представителями того же поколения, что и их герои. Выступая со своей высокой кафедры, молодые артисты оказывались не только учителями, но и учениками. Помогая зрителям «понять себя» и других, они и сами постигали мудрость жизни.

В гастрольный репертуар театра, показанный новосибирцам, попали пьесы Розова и Кузнецова, а один из лучших его спектаклей «Два цвета» Зака и Кузнецова шел один раз (не считая выступлений по телевидению). Это обстоятельство, которое мы оставляем на совести руководителей театра, несколько дезориентировало зрителей. Так или иначе наше представление о «Современнике» определяли шесть спектаклей, весьма различных по драматургическому материалу, но в большинстве своем близких по подходу к его воплощению.

Молодой коллектив тяготеет к острой, броской форме, стремится к минимуму бытовых деталей в декорациях. Но, когда смотрим спектакли «заплот», подражающим в оформлении начинают казаться однообразными, приедается. Как бы ни пытались, например, Вещуцкий в спектакле «Никто» Эдуардо де Филиппо разбудить нашу фантазию, мы предпочитаем бы увидеть воочию нарисованные им картины явлений тех невыразительных и тяжелых «условных» декораций, которые предлагает театр. Стремление к острой форме, к широкой яркости особенно заметно в комедийных спектаклях. Нельзя отказать режиссуре «Современника» в богатой фантазии, а актерам — в умении веселиться и несесть из души. Но фейерверк «трюков», которые они обрушивают на зрителя, скажем, в спектакле «Голый король» Шварца, не

подчинен сколько-нибудь серьезной цели. Такое могучее оружие, как сатира, гротеск, в этом спектакле расходуется произвольно. Е. Шварц написал комедию, обличающую фашистскую Германию тридцатых годов. Театр же пытается «осовременить» пьесу и убедить зрителей, что бичует отдельные человеческие пороки.

Комедийность порой так захлестывает молодых постановщиков и актеров, что незаметно превращается из средства в цель. Так случилось, на наш взгляд, с одним из самых интересных артистов театра — Олегом Табаковым в «Комедии с волшебством» чешского драматурга Б. Блажека «Третье желание».

По замыслу автора пьесы Мала — закостенелый обыватель, мечтающий «за тех», с помощью волшебства получить все блага жизни. Табаков же играет добродушного, обаятельного чудака, вызывающего у зрителя явную симпатию. Вся сцена в доме у Петра, где Малайра напивается пьяным. Идет под гомерический хохот в зале. Но, право же, сцены эти (истая, являя распухшая) имеет к спектаклю призрачное касательство. Убери из гостиницы Малайра — и ничего не изменится.

К слову, в спектакле «Голый король» Табакову приходится тоже играть пьяного, волей или неволей, но это сходное состояние он раскрывает сходными средствами. Ради справедливости надо сказать, что другой зюрод в этом же спектакле — жалкий, вечно простуженный повар короля — артист делает на редкость свежо и психологически точно.

«Никто» — одну из трех комедийных пьес, привезенных театром в Новосибирск, — скорее можно было бы назвать трагикомедией. Не такая уж это веселая история — рассказ о молодом итальянце, которого нужда сделала вором. Правда, Винченцо всегда весел, и даже серьезные вещи звучат у него, как шутка. Но смех этот — сивозы слез. Роль Винченцо играет Михаил Козаков, широко известный по участию во многих кинофильмах. Дарование его не подлежит сомнению. Актер нашел характерные для итальянца интонации, его герой по-настоящему темпераментен и подлижен. Козаков как бы «купается» в роли — так легко и непринужденно держится он на сцене. Если бы накануне я не видела, как артист совсем в другой роли — чеха Петра — тем же мажоральным движением трогал подбородок, так же выразительно (ну, может быть, с меньшим темпераментом) подкреплял свою речь жестами, то впечатление от его работы в пьесе де Филиппо было бы еще сильнее.

Хороша в этом спектакле и партия Козакова — Л. Толмачева. Ее маленькая Нинуча — такая хулиганка, условатая — очаровывает непосредственностью. Она идет на жертвы во имя любой без всякого надрыда. Ее бескорыстие так же удивительно, как и ее чистая вера в любимого.

История Винченцо и Нинучи послужила драматургу, а вслед за ним и театру, поводом для расхождения с собой веры простых людей в могущество бога. Но центральная для этой темы сцена в раю, кото-

рый грозит смертельно раненому Винченцо, в спектакле идет слишком вяло и выглядит необязательной. Между тем, как мне кажется, от решения этой сцены во многом зависело звучание финала, ведь «благополучный» сон Винченцо составляет резкий контраст с трагическим концом его истории в жизни. Может быть, в финале зрители испытывали печаль, во потрясении они не ощутили. Смешное в спектакле оказалось сильнее трагического.

В чем тут дело? Ведь спектакль в общем хорош! Думается, дело все в той же легкости, с которой театр пытается говорить о серьезном. Ведь вот же спектакль по пьесе А. Володина «Пять вечеров», требующий глубоких психологических разработок характеров, большого подтекста, получился поверхностным, лишенным драматического накала.

Может быть, это всего лишь совпадения, сходные недостатки, а не тенденции. Может быть, тут виной предложенный новосибирцам репертуар, в котором комедийное, обличительное начало оказалось сильнее утверждающего. Хочется в это верить. Тем более после того, как «Современник» сыграл «Два цвета».

Пьеса Зака и Кузнецова не так давно шла в нашем ТЮЗе. И все же на спектакле «Современника» зал был полон. Слушали удивительно. Не так часто в театре бывает такая настроенная, вдумчивая тишина. Каждый сидящий в зале чувствовал локоть соседа, а все вместе мы были друзьями и единомышленниками Шурика Горяева и его товарищей. Этот чудесный духовный контакт между исполнителями и зрителями делал зал участником происходящих на сцене событий, придавая спектаклю новую масштабность, иной диапазон.

Почти всем работам «Современника», которые мы видели, был характерен дружный актерский ансамбль. Думается, это идет не только от режиссеров, но и от того духа товарищества, который царит в коллективе театра. В спектакле «Два цвета» единство, целенаправленность исполнителей особенно осязательны. Но, кроме ансамбля, в нем есть и нечто другое, чего в других работах театра нам порой не хватало: верно найденная атмосфера. При всей видовой «приземленности» спектакля зрители все время ощущали его внутренний пафос, его героизм.

В «Современнике» вообще избегают внешней приподнятости. Может быть, потому, что и в жизни молодое поколение стыдится «красивых слов», предпочитает прятать свои высокие мысли и чувства за будничным тоном, небрежной шуткой. Не даром с такой стилизованной категоричностью отменяет Шурик все попытки Кати и Бориса с ним обидеться. Ему неловко за них: чужие слова, ведь и так все понятно.

Удивительная деликатность, огромное чувство долга, товарищества, скромность в сочетании со смелостью, мужская суровая сдержанность и юношеская застенчивость — таков он, Шурик Горяев, как поняли и показали его постановщики (О. Ефремов, В. Сергачев) и исполнитель. Артист Игорь Кваша очень молод. Он почти ровесник своего героя. Может быть, потому в его работе столько достоверных

деталей, тонких нюансов. Разумеется, одна бытовая достоверность еще ничего не решает. Образ Шурика Горяева, как его играет И. Кваша, несет в себе истинную гражданственность, тот высокий нравственный идеал, к которому стремятся герои пьес Розова и Кузнецова — первые герои молодого «Современника».

Два цвета — красивый и черный... Шурик, его товарищи — и дефективный выродок Реп (его хорошо играет известный по кино молодой артист В. Земляникин), и Валька Глухарь — с наглыми пыльными глазами и расхлябанной походочкой босая. Е. Евстигнеев — старший по возрасту в труппе «Современника» и один из ее наиболее зрелых мастеров — создает образ большой социальной значимости. Его Глухарь обречен. Он еще хорохорится, срывает свою злость на слабых духом, но ему все равно не выдерживать единоборства с ребятами из «бригады», с обществом, чьи моральные нормы он поправляет. Глухарь существует, пока существует Борис, живущий по подлому принципу «все проходит, моя хата с краю». Но таких людей все меньше, и Глухарям неизбежно приходит конец.

Успех спектакля «Два цвета» у московских зрителей, а теперь и у новосибирцев, — успех принципиальный. От театра, взявшего на себя миссию быть выразителем дум и чаяний молодого поколения, ждут прежде всего ответа на вопросы «как жить?», «каким быть?». Положительный пример — вот в чем больше всего нуждается молодая зритель. И там, где театр вместе с ним размышляет об этом, там, где он страстно утверждает нравственные идеалы человека коммуниста, ему сопутствуют успех и признание.

«Современник» молод. Он — в пути. Пусть же этот талантливый коллектив всегда будет достоин имени, которое носит.

М. РУБИНА.

27 АВГ 1961

Советская Сибирь
Новосибирск